

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

О НАТАЛИИ БОЕВОЙ

Обзор творчества вологодской поэтессы Наталии Боевой и материалов о ней: опубликованных и архивных (из архивов Наталии Боевой, Галины Щекиной, Сергея Фаустова).

Наталия Боева, Вологда, современная поэзия.

Наталия Станиславовна Боева родилась в Вологде 1 августа 1985. Училась в школе № 1. Окончила Вологодский государственный университет: факультет иностранных языков, магистратуру отделения культурологии (направление «Культура региона»).

Публиковалась в региональной периодике, журналах «Новые облака» (Эстония), «Воздух», «Урал», «Дети Ра». Стихи включены в сборник «Плюсовая поэзия», антологию «Чудь» и «Литературрентген». Участница фестивалей «М8», «Плюсовая поэзия». Лонг-листер премий «НЕФОРМАТ» 2008/2009, «Дебют» 2009. Шорт-листер премии «Литературрентген» 2008.

В 2015 вышла книга Наталии Боевой «Знак улитки» в серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

Важной вехой литературной жизни Наталия считает знакомство с Галиной Александровной Щекиной. Это было по окончании университета, ближе к концу 2007 года. Наталия работала в «Северной Фиваиде», в приемной, куда и зашла Галина. Решая свои проблемы, она попутно убедила Наталию в необходимости заглянуть на ЛИТО (подробнее см. рассказ Наталии в интервью). Почитав-послушав стихи, Галина пришла к выводу, что имеет дело с «уже сложившимся автором», и старалась ввести Наталию в близкий ей литературный мир Вологды.

У Галины Щекиной сохранился написанный текст о Н. Боевой для «Листвы» – журнала, выпускаемого ею для литературной студии «ЛИСТ» на протяжении 15 лет. 16-й выпуск, для которого она писала о Наталии, не вышел – традиция прервалась (студия перестала собираться как группа – остались только индивидуальные занятия).

Восприятие руководителя студии причудливо: «Наташа Боева всегда казалась мне японской поэтессой, нечаянно оказавшейся в нашем времени в Вологде. <...> Многие ее стихи я впервые прочитала в ЖЖ. Они притягивали. Комментировать их было сложно. Я не любила ничего японского. Мне это казалось чужеродным для русской девочки. Моя задача состояла в том, чтобы помочь выявить дар, и в случае с Боевой дар был очевиден, а уж какой он природы – русской или японской – неважно»*.

Непонятно, почему дар расценен как японский, – мне показалось это импрессионистическим ощущением Галины Щекиной. Но к поэтической генеалогии поэтессы мы еще вернемся. Важно свидетельство о неотразимости Наталии и ее произведений: «Это было понятно не только мне, прочитавшей до Боевой километры стихов, но и студийцам. Ведь они всех поднимали на смех, а себя каждый считал гением. Когда же читала Боева, они просто замирали». Свое восприятие руководитель студии тоже зафиксировала: «Меня смущало то, что стихи Боевой – свободной формы. Содержание всегда неожиданное, волшебное. О снах, о рыбах, о людях в абсурдной среде... В общем, всякие сигналы подсознания. А форма непонятная. Верлибры – это дело такое зыбкое. Одни считают их недостигами. Другие наоборот – вершиной».

Едва ли стоило смущаться или бросаться из крайности в крайность. В конце концов, прошел век, с тех пор как в 1915 году в антологии имажизма Ричард Олдингтон подчеркнул, что они не настаивают на том, что верлибр – единственный способ написания поэзии, но отстаивают право и свободу писать таким образом. В 1917 Т.С. Элиот в «Размышлениях о верлибре» («Reflections on Vers Libre») писал, что «различий между Консервативным Стихом и верлибром не существует, так как бывает лишь хороший стих, плохой стих и хаос» (перевод А.М. Зверева) (цит. по: [7, с. 439]).

Студийцы оценили «зыбкий» верлибр Наталии Боевой. Галина Щекина всмотрелась в тонкую вязь передаваемых настроений и ощущений. Отметила интеллектуальное и образное богатство творений, их способность будить воображение, вовлекать читателя в авторскую игру. Пыталась уловить характерные черты текстов: «...много указателей на то, что лирическая героиня вглядывается и вдумывается в себя. Часто предметом изучения становится сам ее внутренний мир. Но описывает она его не лобовым образом, а косвенно-завуалированно – при помощи мелочей, складывая его из былинки, соцветий, как бывает во флористике (“я заклеиваю окна сушеными крыльями бабочек, затыкаю щели сахарной ватой”). И еще она чаще всего ведет стих от первого лица. Хотя это не означает, что “я” – именно она. Стихи насыщены эмоционально, но без агрессии. Трагедия обернута в иронию (“отчетливо катя”). А еще они очень портретны (“мама у вики –

* Здесь и далее – из архива автора.

стихов, и многое исчезло. Первоначальный сборник воспринимается как единое целое, со своим голосом, стилистикой, богатством культурных ассоциаций. Видишь непрерывный поиск с результатами, которые стоило показать, несмотря на несовершенство.

*Господи, Боже мой,
иже еси на небесах,
спустись, поговори со мной,
прогони страх.*

*Господи, – исцеленья – неба в руках:
в тишине комнаты
я и ты
и облака...*

*Господи, помолись за нас
двоих,
благослови, я закончу стих
раной
Боже, приди, не оставь меня так
сидеть в уголке дивана.*

В 2014 году Сергей Фаустов номинировал Наталию Боеву на Всероссийскую литературную премию имени Валерия Прокошина (1959–2009). Наталия оказалась от не согласованного с ней номинирования по ряду причин личного характера. Аргументация С. Фаустова (позднее он воспроизведет ее, чуть перефразируя, в «Гуманитарных экспериментах»): Боева «более всех <...> близка к овладению совершенно иным, особым языком поэзии, таким, что о ней уже невозможно писать по-старому» (цит. по: [6, с. 17]). Что он имел в виду? – «Ее поэзия требует и нового языка литературной критики – некую акробатику, кувырок в кажущуюся “пустоту” стиха, чтобы заполнить его содержание эстетическими пульсациями» [6, с. 17]. И «акробатика», и «кувырок», мне кажется, мало что объясняют. Фаустов выражал уверенность в том, что Наталия – «из тех поэтов, творчеством которых надо интересоваться постоянно. Она молода, а значит, она надолго с нами, если только запустить этот процесс вовлеченности поэта с социумом. <...> Интерес, конечно же, не только в ней: она развивается, увлекает за собой своих читателей, а правильное сказать, она увлекает за собой русскую поэзию». Куда? Направление движения не обозначено. Что отмечено критиком?

Он приводит стихотворение, «описывающее движение переходящих друг в друга образов, выхваченных из своего пространства»:

*обезумевший,
скачешь, как какой-нибудь Гришка Мелехов
на коне, да с шашкой,
из шашек, да в дамки,
придворные дамы поджимают губы,
боясь запачкаться, подбирают подолы
проходя мимо.
а замирая смотришь подолгу
как трудится Молох
мельничный жернов
и листья в ворох
подсвечивается поздним солнцем.*

*Наталия Боева.
Фото Натальи Антоновой. Музей кружева,
мероприятие «Серебряный Меркурий»
Торгово-промышленной палаты*

Динамика образов с их разнородностью действительно производит впечатление. Российский имажинизм, как и англоязычный имажизм, Наталией воспринят и усвоен. Я переспросила ее и получила подтверждение, что Есенин был любимым поэтом в 10 классе, Мариенгоф – позже (см. интервью). За книгой стихов Мариенгофа в те времена Наталия специально отправилась в Питер (в вологодской областной библиотеке была только проза: «Циники» и «Роман без вранья»).

Демонстрирует Сергей Фаустов и способность Наталии запечатлеть искусство.

*женя сома написала
плывет сом над женой, шевелит плавниками,
спрашивает ты кто такая?
она ему не отвечает
женя разные слова ощущает
внутри
женя пишет аквариум для сома
сом выговаривает пузыри*

Фаустов еще раз проговаривает: «Сначала художник пишет произведение, которое затем автора спрашивает: ты кто? Автор не отвечает, но ощущает, как произведение начинает само независимо от автора излучать экспрессивный свет чувства ли, мысли. Художник вписывает произведение в рамки образа, и оно начинает жить самостоятельно».

Критик дает рекомендацию читателям. По его мнению, «Знак улитки» «надо читать с конца, там, где основание спирали, потому что оттуда начинается путь к бесконечности». (Логика сборника, подготовленного в период занятий в студии, будет сохранена Наталией и в книге «Тома писателей»: «Внутри» – «Снаружи» – «Движение».) Я попробовала эксперимент, предлагаемый критиком, но для меня динамика

«Движения» дает слишком сильный разгон. Органичнее следовать за автором.

*Наталья Боева.
Фотография Ольги Лесковой.
Вологодский государственный музей-заповедник*

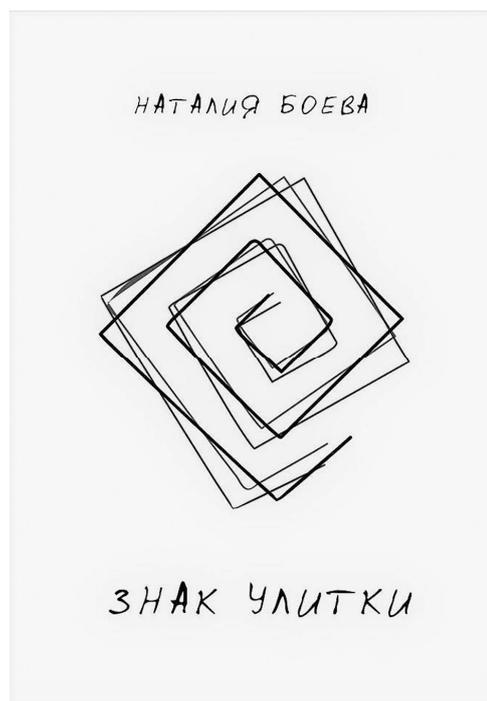
«Знак улитки» вышел в 2015 году под редакцией Наты Сучковой [1]. С уже третьим по счету вариантом обложки, если считать версии Галины Щекиной (но они не рассматривались Натальей) и Марии Егоровой (они Наталии нравились). Алексей Кириловский помог с радовавшим и автора, и «Том писателей» «знаком улитки» (см. интервью).

В книге традиционно точная и красивая аннотация Наты Сучковой: «Стихи Наталии Боевой, словно экзотические птицы: поют разными голосами, говорят на разных языках, перепевают и окликают друг друга. Как грациозные животные, они опасны и осторожны одновременно. И все в них подчинено одной цели: видеть знаки, понимать знаки, следовать знакам – внутри, снаружи, в движении» [1].

Отклики последовали сразу. Мне всегда интересны читательские мнения, в данном случае – Нины Писарчик (по образованию – библиотекарь-библиограф). Она высоко оценила язык книги («чистейший русский, но действительно собственный, по своему организованный, то есть авторский»), особенности поэтики («языковая игра, в основе которой лежит так называемый “говорной стих”»), особенность произношения («близкого к интонации обычной разговорной речи»), содержания («из новейшего культурного слоя»), мир стихов («предметен, нагружен мелкими бытовыми событиями, детскими воспоминаниями»), образный ряд («многолико-многослоен и фееричен») [5]. Из региональных выделю рецензию Натальи Мелехиной с названием «Вещь в себе» [2].

Из центральных – концептуальную статью Андрея Пермякова, искавшего подходы к целостному видению вологодской литературы и нашедшего один из возможных в творчестве Боевой: «Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии» [3]. В разговоре о Наталии и ее книге Андрей конкретен: «Отчетливо понятен собственный генезис, определены способы контакта с миром с использованием вариантов, наиболее безболезненных и для мира, и для себя»; «...совсем не

инфантильная сформирована поэтика, а вполне взрослая. По-другому взрослая» [3].

Варианты обложек Марии Егоровой

Этот разговор мы продолжили в переписке и в интервью. Здесь мне бы хотелось воспроизвести размышления Наталии в связи со статьей Людмилы Петрановской «Травмы поколений» [4]. Боева идентифицирует себя как представителя «третьего поколения» – внуков тех, кто прошел войну. Приведу цитату из Петрановской, дающую ключ к видению себя Наталией:

«Третье поколение стало поколением тревоги, вины, гиперответственности. У всего этого были свои плюсы – именно эти люди сейчас успешны в самых разных областях, именно они умеют договариваться и

учитывать разные точки зрения. Предвидеть, быть бдительными, принимать решения самостоятельно, не ждать помощи извне – их сильные стороны. Беречь, заботиться, опекать.

Но есть у гиперответственности, как у всякого “гипер”, и другая сторона. Если внутреннему ребенку военных детей не хватало любви и безопасности, то внутреннему ребенку “поколения дяди Федора” не хватало “детскости”, беззаботности. А внутренний ребенок – он свое возьмет по-любому, он такой. Ну и берет. Именно у людей этого поколения часто наблюдается такая штука, как “агрессивно-пассивное поведение”. Это значит, что в ситуации “надо, но не хочется” человек не протестует открыто: “не хочу и не буду!”, но и не смиряется: “ну надо, так надо”. Он всякими разными, порой весьма изобретательными способами, устраивает саботаж. Забывает, откладывает на потом, не успевает, обещает и не делает, опаздывает везде и всюду и т.п. <...> Часто люди этого поколения отмечают у себя чувство, что они старше окружающих, даже пожилых людей. И при этом сами не ощущают себя “вполне взрослыми”, нет “чувства зрелости”. Молодость как-то прыжком переходит в пожилой возраст. И обратно, иногда по несколько раз в день» [4].

От этой идентификации мы с Наталией перешли к разговору об «инфантилизме» в литературном контексте. Наталия вспомнила, как во время одного из семинаров «Плюсовой поэзии» при обсуждении ее подборки возник спор, понятно или непонятно, о чем она говорит в стихах: «...кто-то сказал, что понятно становится в конце, в последней фразе. И еще кто-то, кажется, Антон Черный, сравнил это с многослойной упаковкой: когда каждый снятый слой приближает тебя к изначальной форме подарка или сюрприза, который там спрятан.

И потом Маша Маркова сказала то, что мне показалось очень верным. Я дословно не вспомню сейчас, но суть была в том, что в стихах своих я говорю так, как говорят дети. Она сравнила это с тем, как ее дочь рассказывает какие-то истории, произошедшие с ней. Не говорит прямо: “случилось это и это”, а именно превращает всё в историю, где смешана реальность и детское восприятие случившегося. И среди всего этого нужно суметь найти то самое, ради чего затевался весь рассказ.

Я никогда не думала о своих текстах в таком ключе, мне сложно их анализировать, да я и не должна; я не очень знаю, как рассказывают истории дети, но внутренне в тот момент я была очень согласна с Машей. Может, потому что я сама не ощущаю собственную “взрослость”» (из переписки).

Мне представляется, что «взрослость» или зрелость лучше всего ощутима в интервью. Зрелость ума. Зрелость языка. Нравственная зрелость.

Вопрос о поэтической традиции Наталии Боевой – сложный вопрос. Вслушаемся в ранние стихи, которые Наталия удивительным образом не включила в сборник. Даже, на мой взгляд, ключевые стихи – с важным для ее поэзии образом птицы.

Песня перьев

*слушайте песню перьев
над быстрой рекой!
две тысячи лет назад мне был обещан покой,
странно, но я до сих пор в это верю.*

*он разговаривает с деревьями и камнями
и наблюдает днями,
как я врастаю ступнями,
ухожу глубоко
в землю.
я две тысячи лет боюсь, что он мне подарит покой
остаюсь немой
и внемлю
песне перьев.*

*то, что зовется мной –
лишь пара закрытых глаз
да сомкнутый рот.
а он великий шаман, и он непременно найдет,
пусть не сейчас,
но услышит в голове моей птицу.*

*птице – тесно,
птице – место
на воле.
он ее выпустит
рано ли, поздно ли.
и боли
больше не будет.
и это меня убьет.*

По размаху мне это, особенно начало, – напоминает Уолта Уитмена. Тот же космизм ощущений во времени и пространстве. При этом – тонкость, боль Сильвии Плат. И – отчаянная свобода и магия Джима Моррисона.

Вторая часть диптиха:

Free дом

*моим кистеперым рукам,
моим пятипалым крыльям,
им хочется неба,
а получается биться
о стенки черепа
в бессилье.
смотреть из глазниц,
как из бойниц
на мир с тоской.*

*выпусти из головы птицу
и она полетит
над рекой.*

Привлеку внимание к эксперименту в названии. Владея английским, французским, немецким, Наталия естественно расширяет границы поиска. Слово «freedom» (свобода) она делит на слоги: *free-dom*. От латиницы во втором слоге переходит к кириллице:

free dom. Получив «свободный дом», осовременивает видение слова: *free dom*. И далее начинает работать с этой «свободой», «свободным домом», разрастаясь до неба и – страдая от пределов возможностей.

Как отметила Галина Шекина, лирическая героиня Боевой обыкновенно вглядывается, вдумывается в себя. При этом самоощущения, внутренний мир как предмет рассмотрения характерным для Наталии образом сочетаются с другим/и планом/ами.

Наталия рассказала, что диптих задуман о некоем древнем существе, в голове которого заточена птица. Боги создали его таким или это произошло по его воле – читатель волен додумать сам. Ощущение Наталии, что это он в погоне за славой, счастьем, какими-то невиданными чудесами сделал так, что птица (такое же древнее существо, как он сам) оказалась пленницей в его голове. Жизнь с птицей в голове наделяет его способностями мыслить, видеть и чувствовать по-другому. При этом жизнь мучительна и для него, и для птицы.

Великий Шаман обещал освободить его от птицы, когда (как это водится в сказаниях и легендах) он полностью осознает и испулит совершенное. И вот проходит две тысячи лет. Нам показывают его желание обещанного покоя и – страх, ибо покой – это смерть: «и боли больше не будет, и это меня убьёт».

Вторая часть – взгляд птицы. Здесь все логичнее и однозначнее. У птицы нет сомнений – она стремится к свободе, к полету, к небу. Если человек затаился – ждет, но прячется от Шамана («я две тысячи лет боюсь, что он мне подарит покой, остаюсь немой и внешне песне перьев»), то птица молит, пытаясь привлечь Шамана. И, быть может, склонить/убедить того, в ком она заключена. «Выпусти из головы птицу...»

«Пара закрытых глаз да сомкнутый рот» откроются, разомкнутся? Так и уйдут в землю?

Согласно энциклопедиям знаков и символов (например, <http://www.symbolarium.ru>), перья являются широко распространенной эмблемой возносящейся молитвы. Символизируют веру, ожидание. В многомерном пространстве диптиха Наталии – мучительное и естественное стремление к свободе. Свободе самовыражения, когда выпущенная из головы птица взмывает в небо, летит над быстрой рекой времени.

В первой строке могло бы быть «слушаю песню перьев...». Наталия действует как эпический поэт: повелительным наклоением («слушайте!») вовлекает слушателей и удерживает их на уровне эпоса – ее лирического эпоса. Приобщает к архаическому сказанию, где есть скорее волшебство, чем мораль. Образ «песни перьев» был навеян сказками и рассказами о североамериканских индейцах (Наталия с братом в детстве любили эту тему). Совмещение привлекающей ее истории и авторского плана органично – они слились. Ее птица/песня летит/звучит.

Не знаю, что происходило на ЛИТО, но могу представить, насколько поэзия Наталии в ее исполнении завораживала. Думаю, слушателей влекло и вот это ее освобождение себя и других от одномерных, однозначных способов видения и чувствования. Елена Титова в ответ на мои размышления подвела итог:

«Разомкнутость времени сочетается с мощной свободой самоопределения через чувство полета и некой песенной миссии, которой не дано избежать» (из переписки).

Наталия Боева открывает возможности, и здесь мне кажется созвучным памятное «If the doors of perception were cleansed, every thing would appear to man as it is: infinite» (Если бы двери восприятия были чисты, все предстало бы человеку таким, как оно есть – бесконечным). Говорить ли в связи с этой цитатой о влиянии Уильяма Блейка? Джима Моррисона? Поэтический космос Наталии многомерен. У нее – глубоководная поэзия. Остается желать ощущения свободы и полета птицы.

Стилистическое обаяние, ирония, ритмы неопубликованной Наталии Боевой чаруют.

АНА(ДЖО)КОНДА

считалочка

*Дорогая моя Монализочка,
улыбнись тонкой улыбочкой
сверкни молочными зубками,
и губы узкие – в ниточку –
ты что-то скрываешь милая*

*зачем ты нарисовала вертолет
в чертежах Леонардо?*

*Дорогая моя Монализочка
душа загадочная, пристальная,
поиграй со мной в прятки, в салочки.
по считалочке:*

*«на одном крыльце сидели:
Донателло, Боттичелли,
Рафаэль Санти, Браманте,
Микеланджело и Данте –
veni, vedi, вышел вон!»*

10 ноября 2005

Мне многое слышится студенческим – вагантовским XXI века. (Может быть, потому, что встретились с Наталией в университете.) В качестве адресата следующего стиха я бы предположила будущего лингвиста Анну Крылову:

*древний бог морфемки и словообразования,
приди, осени лохматую светлую голову,
даруй мне все твои знания,
видишь, я без тебя это слово не трогаю,
иди, подровняй ему окончание.
мне так страшно его обдирать до основы,
словно рыбью мякоть снимать с кости.
и не суффиксы -онок- и -енок-
это я стою тут смиренный как отрок,
безмолвный как инок
с каждым корнем прощаюсь: прости, мол, прощай,
прости.
я могу здесь и год простоять, лишь приставки меняя,
но мне говорят: «приступай!»
и вот преступаю я...*

*добрый бог морфемики и словообразования,
я прошу осени меня знанием,
ведь острее скальпеля страницы у словаря.*

**маленькая филологическая молитва для Аньки. по-
вторять три раза в день перед едой)*

И при озорном школярстве, и при трансляции боли Наталия Боева руководима аналитическим широким философским умом. Я бы не удивилась, если бы узнала, что в юности она для себя (или для выступления на ЛИТО) написала, скажем, собственную статью «Что такое классик?», или «Традиция и творческая индивидуальность», или «Назначение критики».

Если говорить о характере ее языкового эксперимента, мне более всего вспоминается Эдвард Эстлин Каммингс (1894–1962) – e.e.cummings. (Наталия подтвердила важность его открытия для себя – см. интервью.) Я говорю не о подражании – о собственных экспериментах:

*давайте, перейдем на ты-
сячи песчинок в отсчете
време-н-и-мени, ни отчества-
ши шаги растворяются в одиночестве-
ка. давайте, перейдем на ты-
сячи белых клеток вперед
и станем ближе-
лезом условности выжжем:
я – это вы же,
у которого нет н-и-ме-ни-фамили-и-
ли вы-выше,
светлее, чище?
придет срок-рок поэта
давайте, к концу света,
перейдем на ты...*

То есть, думая о поэтической традиции Наталии Боевой, помимо важности для нее имажинизма, я бы отметила англоязычную поэтическую традицию – начиная с архаики (легенды североамериканских индейцев) до современности, включая имажистов, Т.С. Элиота. Неудивительно встретить в эпитафии, скажем, Энн Секстон: «Ты вез меня в телеге мимо деревень и полей, И я им вслед помахала голой рукой своей. И последнее, что я ясно помню, – о ты, кто остался в живых, – Как тобой зажженное пламя бьется у ног моих И как хрустят мои ребра под ободом твоих колес. Женщины этой породы умеют умирать без слез. Я из этого рода» (перевод Ирины Ковалевой).

И позволю себе еще один комментарий. Я обратила внимание на то, что все поэты, с кем мы готовили интервью (Ната Сучкова, Андрей Таюшев, Ольга Кузнецова, Мария Суворова), не считают нужным показывать ранние стихи, считая их несовершенными. Для меня идеальным является подход Уолта Уитмена (1819–1892). Выпустив первое издание «Листьев травы» в 1855 году, далее он изменял следующие издания вплоть до девятого – «со смертного одра». Первоначальная тоненькая книжечка превратилась в большой том. Каждое издание Уитмен рассматривал как отдельную книгу: добавлял новые стихотворения, давал названия старым или переименовывал их, какое-то время перегруппировывал стихи. Корректировал строки, менял пунктуацию, разрабатывал оформление. В результате каждое издание становилось уникальным.

У Наталии Боевой могло быть достудийное издание, потом студийное. В «Томе писателей» вышло, по существу, третье, но ставшее первым. При подготовке книги ради единства концепции, целостности общей тональности Наталия подчас жертвовала размахом и масштабом поэтических образов – в результате возобладала тенденция к изысканной камерной лиричности. Зная иной звук, иные ритмы раннего, я бы советовала при подготовке следующих изданий вернуться к нему.

Литература

1. Боева, Н. Знак улитки / Наталия Боева. – [Б. м.] : Издательские решения, 2015. – 58 с.
2. Мелехина, Н. Вещь в себе / Наталья Мелехина. – Премьер. – 2016. – 23 февраля (№ 7(955)). – URL: <https://premier.region35.ru/node/11381> (дата обращения: 15.05.2020). – Текст : электронный.
3. Пермяков, А. Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии / Андрей Пермяков. – Литература. – 2016. – 19 апреля (№ 74). – URL: <http://litteratura.org/criticism/1716-andrey-permyakov-drugie-vzroslye.html> (дата обращения: 15.05.2020). – Текст : электронный.
4. Петрановская, Л. Травмы поколений / Людмила Петрановская. – Текст : электронный // Путь к себе. Форум. – URL: <http://www.put-k-sebe.org/forum/42-1285-1>. – Дата публикации: 22 июня 2014.
5. Писарчик, Н. Знак улитки / Нина Писарчик, Наталия Боева. – Текст : электронный // Проза.ру. – URL: <https://www.proza.ru/2016/02/29/65> (дата обращения: 15.05.2020).
6. Фаустов, С. Гуманитарные эксперименты / Сергей Фаустов. – [Б. м.] : Издательские решения, 2016. – 88 с.
7. Элиот, Т. С. Размышления о верлибре / Т. С. Элиот // Элиот Т. С. Избранное. Т. I–II. Религия, культура, литература / пер. с англ. под ред. А. Н. Дорошевича. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 433–440.

L.V. Yegorova

ON NATALIA BOEVA

Review of the works by Natalia Boeva, a poet from Vologda, publications about her, and materials from the archives of Natalia Boeva, Galina Shchekina, Sergey Faustov.

Natalia Boeva, Vologda, contemporary poetry.